

ОЛЬГА СВЕРДЛОВА

АЙФОН

Выхожу из лифта на первом этаже, а там на решётках батареи валяются прочитанные книжки, как говорится, одноразового пользования. Но если раньше в этой куче были в основном Маринина, Донцова и прочие барышни, претендующие на звание “властителей душ”, то сегодня здесь оказались Погодин, Панова, Фадеев. Не могу пройти мимо, ведь я из “совка”, как говорят продвинутые либералы. Такое ощущение, будто я у букинистического роюсь в глубокой старине. Наверное, правильно, что выбрасывают книжки – зачем копить пыль, если не читают. “Рационально и вполне в духе времени, – с грустью размышляю я. – А ведь когда-то были читаемы, издавались большими тиражами, а вот теперь – полное забвение...” И натыкаюсь на редкое издание повестей Гоголя. Давно их не перечитывала, открыла “Шинель” и сразу же растворилась в жалости к бедности, слабости, человеческой униженности.

Из анекдота о пропавшей шинели писатель сделал трагедию, которая вызывает сострадание и боль за другое существо, такое несчастное, униженное в своей бедности, незначительности.

А я, не претендуя на ассоциации, которые родились в голове писателя, когда он из канцелярского анекдота, пустяковой истории создал гениальную повесть, по своим, каким-то непонятным связям написала рассказ про шинель XXI века, которая приобретает другие очертания, но это всё та же вожденная мечта о чём-то недостижимом, желанном, когда обладание становится целью и смыслом жизни, правда, мой герой – ребёнок. Слова о том, что “все мы вышли из гоголевской “Шинели””, приписываемые Достоевскому (см. кн. Э. Вогюэ “Современные русские писатели. Толстой – Тургенев – Достоевский”. М., 1887), хотя и сказанные по другому поводу, подразумевают не только писателей 40–60 годов XIX века, но и приобретают общечеловеческое звучание. Итак, о чём, вернее, о ком моя история.

Он был маленький, рыженький, конопатенький, с огромными ушами, причём уши торчали почти перпендикулярно лицу, располагаясь намного ниже глаз, что, по свидетельству учёных, исследующих наш интеллект, говорит о низких способностях. Учился на тройки, и, хотя считается, что каждый ребёнок талантлив по-своему, только надо внимательней к нему присматриваться, чтобы не проглядеть даже слабые ростки будущих великих способностей, тем не менее, таковых у него не было замечено. Ни в чём. Но тут, я кажется, не права. У него был талант к такому сегодня исчезнувшему из школьного расписания предмету, как чистописание.

Думаю, в недалёком будущем у нас из расписания исчезнет ещё пяток предметов, необходимых для полноценного образования. Они будут только

для тех, кто может платить. Благодаря введённым сегодня стандартам образования, скоро у нас и грамоте будут учить за деньги. А денег лишних у его матери не было. Она работала уборщицей в соседнем кафе. Ночью убирала и мыла полы, днём спала и принимала гостей. Была она красивая и молодая, но непутёвая, как говорили о ней соседи. С мужем развелась – типичная история для современной России. Он пил и довольствовался случайными заработками, да ещё к тому же ревновал её к каждому встречному. И она после скандалов и драк с ним рассталась. Разменяла квартиру, доставшуюся от родителей, и поселилась в пятиэтажке, в забытом Богом и судьбой Бирюлёве. Так что сын рос без отца, но был послушный и добрый. И, как я уже говорила, больше всего любил, когда давали задание переписать текст. Он старался изо всех сил. Выводил каждую буквочку с любовью. Пыхтел, краснел, от усердия даже высывал язык. Ребята над ним издевались. То булавку в сиденье воткнут, и он вскочит, как ужаленный, то снег за шиворот засунут, то на голову насыплют шелуху от семечек. Но он никогда не жаловался. Только когда мешали писать, толкали или пачкали строчки, написанные с такой любовью, он жалобно просил: “Оставьте меня! Зачем вы меня обижаете?..” Между прочим, эти же слова, когда его обижали или толкали под руку, произносил и Акакий Акакиевич Башмачкин, чиновник из гоголевской “Шинели”. Эти слова говорят все – и маленькие, и большие, и сегодня, и сто лет назад. Они, очевидно, запятаны в генетической памяти и всплывают, когда обидя захлестывает человека. Особенно изощрялся в издевательствах его сосед по парте, которого тоже звали Николай. И чтобы их не путать, нашего героя, по фамилии Сапожников, величали Никошей, а соседа – Колькой.

Между прочим, и Гоголя в детстве тоже звали Никошей. Вот уже сколько совпадений! И всё-таки это не ремейк – старый текст на новый лад, – а примитивные ассоциации. Как-то в очередной раз, когда Колька как бы нечаянно прыснул ему соком из трубочки на переписанное с таким усердием задание, Никоша разревелся, да так жалобно, что какая-то девочка не выдержала, подошла к Кольке и дала ему пощёчину. Класс замер в ожидании, что будет дальше, но Колька только сжал кулаки – ударить девочку при всех не решился. Но затаил злобу, и когда и на кого она выльется – один Бог знает. В тот день Никоша пришёл домой поздно. В квартире пахло винным перегаром, было накурено, на столе остались грязные тарелки с остатками еды. Очевидно, гости разошлись совсем недавно, мать ещё не успела убрать за ними. Но она и не спешила навести порядок. Лежала на диване, закрыв глаза. То ли спала, то ли притворялась... Ни о чём не расспрашивала, как обычно: почему так поздно пришёл, какие отметки получил. Он пошёл на кухню, съел холодные котлеты со сковородки, а потом подсел к матери. Она погладила его, а потом прошептала: “Бедные мы с тобой, бедные, никому мы не нужны”. В это время раздался телефонный звонок, мать схватила трубку, выслушала молча кого-то, а затем резко ответила, что ничего никто у неё не оставлял. А спустя минуту включилась мелодия – звонил мобильник. Они стали искать, откуда несутся звуки, перевернули диван, сняли подушки, выдвинули сиденье и в глубине обшивки нашли айфон. Музыка прекратилась, наверное, звонивший перестал надеяться, что кто-то откликнется. Айфон был дорогой, со множеством функций. Мальчик открыл золотистую крышечку и на внутренней стороне увидел две нацарапанные малюсенькие буквы. Он показал матери, но она досадливо отмахнулась: “Мол, я и так знаю, чей он”. Это была чудесная игрушка, о которой можно только мечтать. Ни у кого из ребят в классе не было ничего подобного. У Никоши горели глаза, он обнаруживал у мобильника всё новые и новые возможности: фотоаппарат, интернет, видео. Мать смотрела на него с какой-то невысказанной печалью, а потом взяла свой телефон, вытащила из него сим-карту и вставила в айфон, при этом сказала твёрдо: “Бери. Теперь это твой. Он не достоин, чтобы я ему возвращала. Он мне больше должен”. Кого она имела в виду, сын не знал, но был безмерно рад подарку, свалившемуся на него так неожиданно-негаданно.

Мальчишка был от счастья на седьмом небе. Он обладал редким сокровищем. Представлял, как явится в класс, как незаметно вытащит айфон и положит его на парту, как ребята будут восхищаться и завидовать, и перестанут его унижать и издеваться. И никаких угрызений совести по поводу того, что вещь чужая и надо бы вернуть её, он не испытывал. Тем более, что мать сказала: “Бери”. Вообще-то она не была такая уж пропащая, проще говоря,

бессовестная, но, видимо, обида захлестнула её настолько, что она, не отдавая себе в том отчёта, преподала сыну урок бесчестья.

Когда Никоша показал свой новый мобильник в классе, это произвело эффект разорвавшейся бомбы. Ребята просили посмотреть, восхищались его крутизной, спрашивали, кто ему купил и сколько стоит. Только Колька бросил сквозь зубы: “Подумаешь, у моего отца такой же. Небось, украл где-то”. И когда он протянул руку к мобильнику, Никоша набрался смелости и оттолкнул его руку. Завязалась драка. Колька выхватил телефон и со всей силы ударил им об пол. Телефон разлетелся на части, крышка от него отлетела аж в конец класса. Ребята собрали разбросанные части и положили на парту к подравшимся, но Никоши уже в классе не было. Он выскочил на улицу и шёл, как во сне, сел в подошедший автобус и покатил через весь город на квартиру к отцу, который жил в Химках.

На дворе стоял холодный ноябрь, а он выбежал в одном пиджачке, куртку оставил на вешалке в школе. Но никому не было до него дела. Мальчишка был совершенно одинок среди миллионов людей, спешащих по своим делам. Он долго звонил в дверь, никто из соседей не откликнулся, тогда он пошарил под ковриком, нашёл ключи и открыл дверь. Отца дома не было, Никоша вошёл в комнату, и перед ним открылась страшно неприглядная картина. Здесь хозяйничала кошка. Видно, отца не было давно, возможно, несколько дней. И кошка металась, ища выход. Всё было перевёрнуто, загажено, кошачьи испражнения валялись на полу посреди комнаты, запах был ужасный. В это время огромная чёрная кошка вылезла из-под дивана и начала мяукать так, что выдержать это было невозможно. Он принёс ей воды, открыл дверь, попытался выгнать её на улицу, но она из комнаты выходить не хотела и продолжала душераздирающе мяукать. На душе у Никоши было так мутрно, а мяуканье кошки было настолько невыносимо, что он, не вполне отдавая себе отчёт в том, что делает, схватил сумку, засунул туда кошку и чугунный утюг, лежавший рядом, и побежал к реке, которая была недалеко от дома. Подбежал к воде... и бросил сумку в воду.

К отцу в квартиру он не вернулся, а поехал к себе домой. И тут я опять вспомнила Гоголя. В его детстве было что-то подобное. И вот как он об этом сам рассказывает.

Это случилось вечером, когда родители уехали и оставили его дома. Слуги спали, он сидел на диване, за окном было темно. Тишина стояла такая, что ему сделалось страшно. “Вдруг раздалось слабое мяуканье кошки. Я никогда не забуду, как она шла, потягиваясь, и мягкие лапы слабо постукивали о половицы когтями, зелёные глаза искрились недобрим светом... Мне стало жутко. Я вскарабкался на диван и прижался к стене...”

Кошку эту Гоголь утопил в пруду. Он прошёл к воде по ночному парку и, когда из-за туч выглянула луна, бросил её в воду в лунный след. Кошка сразу не утонула, она пыталась выплыть, мяукала, он, схвативши какую-то палку, отталкивал её от берега. Наконец, мяуканье прекратилось, и вода ровно сомкнулась над бедным животным. И тогда ему стало ещё страшнее. “Мне казалось, я утопил человека”, – вспоминал Гоголь. Ему стало жаль кошку, жаль себя, плач перешёл в рыдания. Вернувшиеся родители нашли его на полу, истерзанного и всего в слезах. Узнав, в чём дело, отец больно выпорол сына, и боль наказания освободила его – истерика прекратилась. Эта история глубоко запала в память будущего писателя. Дело было не в наказании, не в физической боли, а в той боли души, которую он чувствовал. Раскаяние, мысль о страшном преступлении, которое он совершил, о собственной жестокости, были нестерпимы. Они и были возмездием за содеянное.

А теперь вернёмся к нашему герою. Совершенно обесиленный, в каком-то тумане он вернулся к себе домой и на столе увидел записку от матери. В ней говорилось: “Сынок! Я не дождалась тебя, ушла на работу. Я поступила нечестно. Надо отдать телефон. Чужая вещь не принесёт тебе радости. Всё равно Бог накажет. Я уже позвонила дяде Саше, ты его знаешь, сказала, что телефон он потерял у нас. Прости меня”. И тут Никоша разрыдался. Всё, что накопилось в его душе за день, весь ужас содеянного навалился на него такой нестерпимой, чисто физической болью, что он просто зашёлся в истерике. Рыдания прерывались бесконечным повторением: “Как я мог...” В это время позвонила мать. Он взял трубку, но говорить не мог. Мать, услышав всхлипывания, тут же прибежала домой. “Неужели ты ревёшь из-за телефона?”

И он, захлёбываясь от рыданий, заикаясь и стуча зубами от не унимавшейся дрожи, рассказал всё, что с ним происходило сегодня, что он натворил. Как кошка жалобно мяукала, как он отталкивал сумку от берега, потом сказал, что мобильник Колька разбил вдребезги. Мать метнулась из квартиры и очень быстро вернулась. В руках у неё был серенький котёночек. Она положила его рядом с Никошей, налила в блюдце молока и ушла на работу. Больше он с котёнком не расставался, таскал его за собой повсюду. Котёнок просиживал с ним все уроки, ни разу не выдав себя ни мяуканьем, ни внезапным появлением. Только время от времени Никоша запускал руку в шёлковую шерстку, гладил серенького, набираясь от него нежности и тепла.

Между тем телефонная история набирала обороты, развивалась согласно своему сюжету. Колька в ожидании неприятностей представлял, как прибежит мать Никошки, вызовет его отца в школу и заставят платить за разбитый телефон, какой крик подымет мать, а отец его избьёт до полусмерти. “Может, ударить подальше, пока не началась эта катавасия”, — подумал он и, собрав части телефона в пакет, лениво вышагивая под осуждающими взглядами ребят, удалился из класса. Дома он вытащил пакетик с разбитым телефоном и стал рассматривать эти кусочки, втайне надеясь, что его можно починить. И вдруг на крышке он увидел инициалы отца, нацарапанные им, за что ему от отца здорово влетело. Он тогда оправдывался перед отцом: “А если потеряешь?” На что отец ответил: “Если потеряю, то никто никогда не отдаст”.

Колька сидел, потрясённый открытием. Каким образом мобильник оказался у соседа? Не мог же отец ему подарить? С какой стати? Тайна находки обжигала его мозг. В голове прокручивались самые фантастические сюжеты. В это время пришла мать, но он ей не сказал ни слова о случившемся. То ли почувствовал, что из этой истории можно что-то извлечь, то ли сработала интуиция — можно напороться на какую-то неприятную новость.

Сначала он решил позвонить отцу, узнать, что он думает о пропаже мобильного и вообще, хватился ли он, что мобильник исчез. У него было смутное представление о жизни взрослых мужчин, но кое о чём он всё же догадывался. Мать постоянно устраивала скандалы, допрашивая отца, где он был, почему пришёл поздно, названивала ему на работу, проверяя его и допытываясь у секретарши, куда и с кем он уехал в командировку.

Колька много раз набирал номер мобильного отца, но автомат отвечал: “Не доступен”. С нетерпением ждал прихода отца с работы и, когда тот вошёл, тут же спросил его, почему он не откликнулся целый день на звонки — он много раз ему звонил. Отец испуганно спросил: “Что-то случилось? — Да нет. Просто я хотел узнать, не потерял ли ты мобильник? — Откуда ты знаешь? — удивился отец. — Я действительно его забыл у приятеля, но мне обещали завтра его вернуть.” И тут сыночек ехидно спросил: “А фамилия этого приятеля случайно не Сапожников? Я сижу с ним за одной партией”. Отец остолбенел и от неожиданности выдал себя: “Да, я заходил к ним... по делу”, — добавил он после паузы, сообщая, что ещё знает сын о его похождениях. В комнату заглянула мать, позвала ужинать. И отец, когда мать вышла, попросил: “Ничего не говори матери. Я тебе потом всё объясню”. Так сын стал невольным участником интимной жизни отца, чем он и не преминул воспользоваться. В голове мальчишки рождались самые разные варианты шантажа отца, а тот был готов на всё, лишь бы тайное не стало бы явным.

Когда через три недели, переболев воспалением лёгких после путешествия по Москве в одном пиджачке, Никоша вошёл в класс, ребята встретили его дружными возгласами: “Привет!” И в этом приветствии он почувствовал, к своему удивлению, радость встречи. Колька теперь сидел не с ним, а на последней парте, а рядом с Никошей разместилась девочка, та самая, которая когда-то заступилась за него, дав пощёчину Кольке. А тот сидел красный и злой, а потом крикнул: “Кто со мной на мопеде кататься?” Мальчишки окружили Кольку, выражая восторг, расспрашивали, откуда у него “автомобиль”, умеет ли ездить, не боится ли? Колька рассказал, что давно мечтал о мопеде, но отец боялся, не хотел покупать, а вот теперь он его уговорил. Правда, папаша поставил условие — со двора не выезжать, иначе он отберёт мопед. И Колька условие выполнял — со двора не выезжал. Но судьба неумолима. И она его подстерегла.

На огромной скорости во двор влетела “Мазда”, за рулём которой сидел пьяный водитель, и фактически переехала Кольку, который лежал на асфальте

под мопедом, прикручивая к нему какую-то очередную суперсигнализацию. Он остался жив, но теперь с переломом позвоночника будет лежать неподвижно в кресле до конца жизни. Вот так фатально сработала судьба.

“Папа, мне страшно. А вдруг я никогда не смогу ходить?” – в ужасе постоянно спрашивал Колька отца. А тот, беззвучно рыдая, подчёркнуто бодрым голосом отвечал: “Нет, нет, сынок, врачи обязательно поставят тебя на ноги”.

Неужели за грехи отцов должны расплачиваться дети? Это, по меньшей мере, несправедливо...

* * *

А для тех, кто не любит трагедий, кому подавай позитив, я предлагаю другой конец. Только, к сожалению, это не будет иметь совсем никакого отношения к жизни.

Итак, в один прекрасный день, когда ребята вошли в класс, они увидели на парте, где сидели два Николая, новенький айфон, точно такой же, как и тот, разбитый, собранный по кусочкам. Крышечка айфона в лучах заходящего солнца отсвечивала золотом...